

Нацистская политика в отношении советских военнопленных

А. А. Маринченко*

О судьбе советских военнопленных в годы Второй мировой войны долгое время предпочитали не писать, возникло своеобразное табу на изучение данной темы. Ответ на вопрос, как и почему это произошло, не так прост и однозначен, как это может представиться на первый взгляд, и еще ждет своего исследователя. Очевидно одно, пленные Красной армии, подвергавшиеся нацистами одной из наиболее интенсивных форм массового истребления, стали, по сути, забытыми жертвами войны. Ныне же эта страница истории попала в эпицентр острых дискуссий, и не в последнюю очередь в вопросе о международных конвенциях об обращении с военнопленными и отношении к ним со стороны советского и немецкого военно-политического руководства, правительственных кругов других стран, деятельности Красного Креста и т. п.

Некоторые аспекты указанной проблемы все же были отражены в работах советских историков, но им существенно не хватало целостности в освещении событий, поскольку очень часто они писались с акцентом на отдельные разнородные эпизоды на примере определенных регионов Советского Союза, что создавало некоторую мозаику для восприятия. К тому же они не были лишены некоторой однобокости в оценках, а также чрезмерного фокусирования на одной стороне вопроса и игнорирования другой¹.

История военного плена насчитывает не одно столетие. Если для древних времен характерным было уничтожение пленных, то

в рабовладельческих Греции и Риме получила распространение продажа военнопленных и использование их в качестве рабов, что было одной из главных причин войн того времени. Продажа пленных была характерна также для эпохи Средневековья. Но их участь далеко не всегда была таковой. Когда пленных было очень много и они затрудняли движение войска или могли стать опасными при новых встречах с противником, их уничтожали. Со временем более гуманное отношение к военнопленным становится характерной чертой для большинства воюющих стран. Например, во время Семилетней войны в Европе начал практиковаться обмен и выкуп пленными, причем это было нормой даже для периода боевых действий. Однако до конца XIX в. судьба тех, кто оказался в плену, целиком зависела от отношения пленившей стороны, а условия плена продолжали оставаться чрезвычайно тяжелыми, главным образом вследствие антисанитарных условий содержания².

Принципиально новым этапом в вопросах регулирования войн и военных конфликтов стало принятие международных конвенций на Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 гг. При этом правовой статус, а также обязанности военнопленных стали регулироваться на основании положения о законах и обычаях сухопутной войны (приложение к 4-й Гаагской конвенции от 18 октября 1907 г., глава II, статьи 4–20)³. Среди подписавших и ратифицировавших данную конвенцию были, в частности, Российская и Германская империи⁴.

---

* Александр Александрович Маринченко — аспирант кафедры российской истории Днепрпетровского национального университета им. О. Гончара.

Отношение большевистского руководства к международным соглашениям царской России и Временного правительства нашло свое отображение в «Обращении Совета Народных Комиссаров» от 30 мая 1918 г. В нем указывалось, что «эта Конвенция (имеется в виду Женевская конвенция 1864 г., касавшаяся раненых и больных солдат на поле боя. — А. М.), как в ее первоначальной, так и во всех ее позднейших редакциях, а также и все другие международные конвенции и соглашения, касающиеся Красного Креста, признанные Россией до октября 1917 года, признаются и будут соблюдаемы Российским Советским Правительством, которое сохраняет все права и прерогативы, основанные на этих конвенциях и соглашениях»⁵. На основании «Обращения» был издан декрет СНК от 4 июня 1918 г. Вполне резонно предположить, что поскольку речь шла именно обо всех международных конвенциях и соглашениях, то подобным образом понимались также Гаагские конвенции. Однако явно в обращении про них не сказано. Это тем более важно, что, по свидетельству начальника Генерального штаба сухопутных сил вермахта Ф. Гальдера на Нюрнбергском процессе, Гитлер еще до нападения на СССР заявлял, что «так как русские не признают Гаагской конвенции, то и обращение с их военнопленными не должно быть в соответствии с решениями Гаагской конвенции»⁶. О том, насколько распространенным является тезис о неподписании и непризнании Советским Союзом Гаагской конвенции, говорит хотя бы тот факт, что его с полной уверенностью разделяют исследователи, подходы которых в изучении темы о советских военнопленных существенно образом разнятся, такие как В. Король, Н. Толстой, Б. Хавкин, А. Шнеер, К. Штрайт и другие⁷. Хотя Штрайт в то же время подчеркивает, что для гитлеровского командования «эти обоснования были всего лишь прикрытием»⁸. Возможно, подобное представление основано на том, что вопрос о возможном присоединении к конвенции был решен большевиками в 1918 г., то есть еще до формального договора об образовании СССР. Во всяком случае, специально авторами это нигде не оговорено.

Учитывая опыт Первой мировой войны, с 1 по 27 июля 1929 г. делегации от 47 государств приняли участие в работе Женевской международной конференции⁹. Ее результатом стало подписание двух чрезвычайно важных документов: 1) Конвенции об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях¹⁰; 2) Конвен-

ции об обращении с военнопленными¹¹. Советский Союз участия в работе конференции не принял и Конвенцию об обращении с военнопленными вплоть до подписания новой конвенции в 1949 г. так и не подписал¹². Во-первых, это было связано с тем, что советское руководство было не согласно с приданием привилегированного статуса захваченным в плен офицерам, так же как и с привлечением пленных к работам без их на то согласия и т. д., а сам режим плена представлялся ему мало удовлетворительным¹³. Во-вторых, оно выступало против разделения военнопленных по национальному признаку, так как это, по его мнению, противоречило принципам интернационализма. Хотя страны, подписавшие этот документ, исходили из идеи избежания конфликтов на национальной почве¹⁴.

На практике в годы Второй мировой войны подразделения вермахта и особых команд службы безопасности и СД проводили в лагерях «отборы» военнопленных, что соответствовало нацистской политике игры на национальных противоречиях в советском обществе. Согласно ей пленных одной национальности наделяли более привилегированным статусом, а других подвергали различным формам национальной или расовой дискриминации, натравливая их друг на друга. Это должно было в корне ликвидировать саму возможность оказывать с их стороны какое-либо организованное сопротивление на оккупированных территориях. К тому же правящая верхушка нацистской Германии прекрасно понимала, что победить СССР, используя исключительно военную силу и без использования дополнительных политических методов, будет крайне сложно, а то и практически невозможно¹⁵. Не зря глава Имперского министерства народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс, выступая на совещании 21 июля 1941 г., апеллировал к высказыванию немецкого военного теоретика К. фон Клаузевица о том, что «Россия может быть побеждена только в том случае, если посеять раздор среди ее народов»¹⁶.

Спустя два года, 19 марта 1931 г., ЦИК и СНК СССР утвердили «Положение о военнопленных» взамен Женевской конвенции (в некотором отношении более демократичное)¹⁷, а уже 25 августа 1931 г. нарком иностранных дел М. Литвинов официально заявил, что Советский Союз присоединяется к первой конвенции, касавшейся улучшения участи раненых и больных в действующих армиях¹⁸. Однако вторая конвенция, как уже указывалось, так и не была подписана.

Несмотря на это, некоторые авторы пытаются представить дело таким образом, будто бы СССР присоединился именно ко второй конвенции, регламентировавшей обращение с военнопленными, в которой речь шла якобы о «военнопленных, раненых и больных» или «пленных раненых и больных» либо же «раненых и больных военнопленных» (в зависимости от формулировки авторов, которые таким образом объединили две разные конвенции в одну)¹⁹, что говорит о часто допускаемых ошибках или о преднамеренных подтасовках, ибо, как было показано выше, речь шла о разных документах.

Между тем отказом СССР присоединиться к Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» Гитлер мотивировал свои указания не применять в отношении советских пленных нормы международного права. И это несмотря на то, что сама Германия подписала и ратифицировала эту конвенцию 21 февраля 1934 года²⁰.

Впоследствии это дало возможность некоторым западногерманским исследователям оправдывать жестокое обращение с советскими военнопленными. Так, некоторые представители т. н. ревизионистского направления, а также авторы из праворадикального лагеря заявляли, что, поскольку Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию 1929 г., это вызывало справедливое возмущение у немецких солдат и гражданского населения²¹. Им возражал Б. Бонвеч, утверждая, что первые месяцы войны наглядно показали, что гитлеровское командование вообще не собиралось ей следовать, хотя Женевская конвенция об обращении с военнопленными распространялась также на те страны, которые ее не подписали. вермахт в отношении советских военнопленных действовал также в духе «плана Барбаросса», как и вообще весь Восточный поход. Он сотрудничал с СД, отбирал комиссаров, евреев и других «нежелательных» военнопленных, не чувствуя себя ответственным за их жизнь. Бонвеч подчеркивает, что немецкое руководство грубейшим образом нарушило не только принципы Женевской конвенции от 1929 г., но и основы международного права. Сознание несправедливости и сомнения в беззаконии искоренялись²².

По мнению Штрайта, нацистское руководство изначально желало вести войну против СССР в соответствии со своими идеологическими целями и невзирая ни на какие международные обязательства, а обращение с военно-

пленными отчетливо демонстрирует готовность действовать в нарушение международного права. И это при том, как особо отмечает автор, что «важнейшие принципы Гаагской и Женевской конвенций, в том числе принцип гуманного обращения с пленными, представляют собой кодификацию всеобщего международного права и тем самым являются обязательными для всех государств вне зависимости от ее ратификации»²³.

Правда, поначалу командование вермахта все же пыталось в какой-то мере оправдываться ссылками на международно-правовые нормы. В частности, утверждалось, что военные комиссары не являются настоящими солдатами в смысле участников войны, согласно Гаагской конвенции 1907 г., а тактика Красной армии, диктуемая этими комиссарами, попирает все правила гуманного ведения войны²⁴. А на одном из совещаний 1 августа 1941 г. начальник управления по делам военнопленных ОКВ генерал Г. Рейнеке заявил: «Между нами и Советским Союзом не существует никакой договоренности, и если она будет существовать, то в связи с преступлениями большевиков не может быть нами признана»²⁵.

Подобные заявления делались, невзирая на то что в немецком сборнике международно-правовых актов, имеющих обязательную силу также и для германского военного командования, изданном в Берлине еще в 1940 г., в разделе «Нормы права, касающиеся военнопленных. Гаагское положение о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г.» имелось замечание о том, что предписания ст. 4–20 этого положения обязательны сами по себе и без Женевской конвенции 1929 г., после чего следовал перечень государств, в отношениях между которыми применялось это положение и среди которых названа Россия (о чем, несомненно, были осведомлены немецкие юристы). Статьи 4–20 приложения к Гаагской конвенции — это нормы международного права, касающиеся военнопленных и составляющие основу Женевской конвенции 1929 г. В том же сборнике в разделе «Конвенция Красного Креста 1929 года» можно найти указание о том, что действие этой конвенции распространяется на многие государства, и в том числе на Советскую Россию²⁶.

Фактически же судьба советских военнопленных была предрешена идеологическими установками войны и наиболее отчетливым образом проявилась в «преступных приказах»,

изданных до нападения на СССР Верховным командованием вермахта (ОКВ), Главным командованием сухопутных войск (ОКХ) и Главным управлением имперской безопасности (РСХА). Они отчетливо показывают, что военно-политическое руководство Германии уже на уровне детального планирования будущей войны отказалось от следования международно-правовым нормам ее ведения, преследуя далеко идущие цели в «крестовом походе» против большевизма. Речь идет в первую очередь о таких документах, как: «Инструкция об особых областях» от 13 марта 1941 г.; «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск» от 28 апреля 1941 г.; распоряжение «О военной подсудности в районе „Барбаросса“ и об особых полномочиях войск» от 13 мая 1941 г.; директива «О поведении войск в России» от 19 мая 1941 г.; «Приказ о комиссарах» от 6 июня (ОКВ) и 8 июня 1941 г. (ОКХ). Некоторые из подобных приказов появились уже в ходе истребительной войны против СССР. Речь идет об «Оперативных приказах» РСХА № 8 и № 14 от 17 июля и 29 октября 1941 г. соответственно, приказе гестапо № 9 от 21 июля 1941 г., приказах ОКВ № 1332/41 от конца июля 1941 г. и «Об обращении с советскими военнопленными» от 8 сентября 1941 г. В них достаточно четко просматривается участь, ожидавшая советских военнослужащих, попавших в нацистский плен²⁷.

16 июня 1941 г. управление по делам военнопленных при ОКВ своим распоряжением «Сущность военного плена согласно плану „Барбаросса“» фактически аннулировало важнейшие охранительные положения Гаагской и Женевской конвенций, главным образом отбросив саму идею человеческого обращения с пленными²⁸. Последние, за редким исключением, были подчинены вермахту, который издавал директивы об их содержании и об отношении к ним. Военное руководство, как отмечает немецкий исследователь Й. Остерло, было пособником нацистской политики: с самого начала ОКВ и ОКХ учредили ранговый порядок различного права и правовой гарантии для пленных различных враждебных государств. Этим командование вермахта нарушило решения Женевской конференции 1929 года. Более того, оно не выполнило ни одного пункта международно-правовых соглашений в войне против Советского Союза и проигнорировало основные права человека. Результатом стали сотни тысяч и миллионы убитых советских пленных на оккупированной

территории и в III рейхе. Решающим критерием по обращению с военнопленными было, по мнению историка, их место в нацистской иерархии рас. В самом наихудшем положении из всех военнопленных находились советские. Они были лишены всех прав, не могли обратиться за защитой в суд и не должны были получать помощь от Международного комитета Красного Креста. Надуманная система различных прав и привилегий функционировала без помех почти до конца войны: советские военнопленные влачили жалкое существование, в то время как пленные «расово более ценных» народов находились в лучшем положении и в их отношении соблюдались все права международных соглашений. Охранники действовали соответствующим образом. Руководство вермахта одобрило и поддержало расовую политику относительно советских пленных²⁹.

Немецкие историки Г. Хеер и К. Науман пишут, что война, которую Гитлер начал готовить с первых дней своего прихода к власти — войну против СССР, могла быть, по его собственному пониманию, только войной на уничтожение. Говоря о «преступных приказах», они констатируют, что в них была ясно определена группа жертв для вермахта: комиссаров расстреливать, военнопленных лишить всех прав, гражданскому населению выносить смертные приговоры за помощь партизанам, евреев передавать айнзатц-группам. вермахт был осведомлен о программе уничтожения и брал на себя ответственность. Более того, он был включен в эту программу. Его руководящие кадры дали согласие на первоначально поставленные задачи. Радикализация программы охватила верхушку вермахта, а менталитет рядовых солдат к этому времени уже не отличался от менталитета войск рейхсфюрера СС Г. Гимmlера³⁰.

В данном контексте можно согласиться с мнением Б. Хавкина о том, что «было бы наивно полагать, что в случае подписания Советским Союзом названных международно-правовых документов Гитлер отказался бы от войны за завоевание „жизненного пространства на Востоке“ и уничтожение „неполноценных рас“ и вел бы „войну по правилам“»³¹.

С началом войны истребление не только пленных, но и мирного населения стало принимать все более ужасающие масштабы. Уже 23 июня 1941 г. глава Международного комитета Красного Креста М. Губер направил правительствам СССР, Германии, Финляндии и Ру-

мынии телеграммы с предложением помощи в обмене списками военнопленных и данными о погибших и раненых. В ответ на это 27 июня 1941 г. нарком иностранных дел В. Молотов телеграфировал президенту МККК о готовности Советского Союза осуществить предоставление сведений о военнопленных на основе взаимности³². В тот же самый день Германия и ее сателлиты были проинформированы об этом согласии. Вопрос о присоединении к Женевской конвенции 1929 г. советским правительством не поднимался, но в то же время Совет Народных Комиссаров СССР утвердил постановлением № 1798–800с от 1 июля 1941 г. новое «Положение о военнопленных», основанное именно на этой конвенции. Этот документ гарантировал военнопленным безопасность, поскольку запрещалось оскорблять и жестоко обращаться с ними, обеспечение жильем, одеждой, денежным довольствием по установленным нормам, а также медико-санитарным обслуживанием. Разрешалось получение посылок и денежных переводов, отправление и получение почтовой корреспонденции. На военнопленных, привлекаемых к работам, распространялись постановления об охране труда и рабочем времени, в точном соответствии с их действием в отношении советских граждан. Для такой категории пленников предполагалась также выплата заработной платы. Предусматривалась уголовная и дисциплинарная ответственность военнопленных. Допускался обмен списками военнопленных с международными организациями или справочными бюро Красного Креста³³.

«Положение о военнопленных» систематически доводилось до сведения личного состава воевавших с СССР армий Германии, Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и пр. по радио, в листовках, обращениях и т. п., а в лагерях для военнопленных оно вывешивалось на видных местах на русском языке и языке военнопленных³⁴.

В дополнение к «Положению» СНК, ГКО, руководство РККА, НКВД и другие ведомства в ходе войны приняли сотни документов, регулирующих режим военного плена. Решения советского военно-политического руководства в основном совпадали с требованиями международного гуманитарного права. Изданные приказы, директивы, распоряжения не призывали красноармейцев к расправам над военнопленными Германии или стран-сателлитов. Имевшая место ответная реакция бойцов и командиров

Красной армии на преступления, чинимые частями вермахта и СС, пресекалась. Требования постановления Совнаркома в основном соблюдались, а его нарушения со стороны должностных лиц преследовались как в дисциплинарном, так и в уголовном порядке³⁵.

Следует, однако, отметить, что этот документ в то же время имел существенные отличия от Женевской конвенции (отчасти из-за того, что содержал в три раза меньше статей): не были четко прописаны нормы питания военнопленных, не содержался запрет на использование труда военнопленных для изготовления и перевозки оружия, для постройки всякого рода укреплений, на работах с вредными для здоровья условиями труда, не оговаривалось предоставление защиты военнопленным, обвиняемым в совершении преступлений, смертный приговор осужденному мог быть приведен в исполнение без уведомления об этом правительства страны, гражданином которой он являлся, и без сообщения Международному комитету Красного Креста³⁶.

Со стороны отдельных ведомств нацистской Германии также предпринимались некоторые попытки добиться от Верховного командования вермахта правового регулирования в вопросах о военнопленных. Речь идет о двух официальных письмах управления по делам военнопленных от 24 июня 1941 г., направленных в управление разведки и контрразведки в ОКВ. Первое из них ставило целью выяснить возможность создания при участии МККК справочного бюро о военнопленных в нейтральной стране и тем самым оказать помощь немецким пленным в Советском Союзе. Второе же письмо касалось необходимости соблюдения Германией положений Женевской конвенции и, что самое удивительное, даже при условии, что противник не подписал ее³⁷. Весьма странная формулировка ввиду отданных «преступных приказов».

Однако следует учесть, что оба письма были составлены по инициативе эксперта по международному праву при ОКХ графа Г. фон Мольтке, ставившего в качестве одной из основных задач улучшить обращение с советскими военнопленными путем внесения корректив в уже существующие директивы. В результате же конечная цель данной инициативы оказалось безрезультатной. Штаб оперативного руководства вермахта заявил о том, что СССР не признает даже Гаагскую конвенцию, поэтому все дальнейшие разговоры на данную тему были прекращены³⁸.

Между тем, переговоры МККК с советским правительством продолжались в менее благоприятных условиях. Дело в том, что Красный Крест, по существу, проигнорировал протест советской стороны против неоднократных бомбардировок санитарных формирований и учреждений в начале войны, что было грубейшим нарушением норм международного права, военным преступлением. Вместо расследования подобных происшествий и их публичной огласки МККК занял пассивную позицию, и в результате протест был просто передан немецкой стороне. Подобная практика имела место и в дальнейшем³⁹.

Деятельность МККК, несмотря на возникшие трудности, сводилась в этот период в основном к попыткам добиться установления постоянных контактов с советской стороной. 6 июля в ответ на предложения Губера основать в столице Турции Анкаре Центральное агентство по делам военнопленных Молотов сообщил о согласии своего правительства с осуществленными шагами МККК. Все дальнейшие переговоры по данному вопросу было поручено вести послу в Турции С. Виноградову⁴⁰. А тем временем в начале июля имперское правительство также заявило о готовности к обмену списками фамилий, что давало еще большую надежду на заключение соглашения.

В ответ на меморандум шведской миссии в Москве от 14 июля 1941 г. Народный комиссариат иностранных дел СССР 17 июля направил «Памятную записку», в которой объявлял о своем намерении придерживаться Гаагской конвенции 1907 г. о ведении сухопутной войны, но при условии, что «эта конвенция будет соблюдаться самой Германией»⁴¹.

Положения этой ноты были оставлены без внимания немецкой стороной, соответственно предложения придерживаться норм Гаагской конвенции были отклонены⁴². Нацистское руководство не испытывало ни малейшего желания заключать с советским правительством какие бы то ни было формально юридические соглашения об обращении с военнопленными, дабы не связывать себе руки и иметь полную свободу действий в деле ликвидации политически и расово «нежелательных» пленных и рабощения остальных. Уклонение от заключения принципиального соглашения с Советским Союзом и попытка избежать прямого ответа на советскую ноту путем затягивания времени не в последнюю очередь определялась уверенно-

стью гитлеровского командования в быстром окончании войны с СССР и полном разгроме Красной армии. Через пять недель в ответной ноте шведскому правительству от 25 июля 1941 г. Германия обвинила Советский Союз в проведении расстрелов немецких военнослужащих⁴³.

Во второй половине июля МККК пытался наладить контакты между управлением по делам военнопленных ОКВ и уполномоченным представителем в Анкаре. 23 июля 1941 г. уполномоченный МККК М. Жюно рекомендовал Советскому Союзу ратифицировать Женевскую конвенцию 1929 г. о защите военнопленных. По его мнению, это позволило бы воспользоваться услугами Красного Креста, чьи представители смогут посещать в Германии лагеря для советских пленных и требовать улучшения их положения. Соответственно инспекции подвергнутся также и советские лагеря для немецких пленных. Жюно также предложил советскому послу организовать с Германией обмен информацией о военнопленных. Запись беседы была отправлена Виноградовым в Москву⁴⁴.

13 августа Жюно узнал от советского посольства, что исполнительный комитет Общества советского Красного Креста и Красного Полумесяца создал центральное справочное бюро, которое в соответствии с положениями Гаагской конвенции будет собирать и передавать дальше сведения о военнопленных и организует для них переписку. Казалось, что речь теперь идет лишь о том, чтобы уладить технические детали⁴⁵.

За пять дней до этого, 8 августа 1941 г., посольства стран, с которыми СССР имел тогда дипломатические отношения, получили ноту, в которой вновь обращалось внимание на то, что Советский Союз будет соблюдать общеизвестные международные договоры, в том числе Гаагскую конвенцию 1907 г. и Женевскую конвенцию 1929 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях», так же как и Женевский протокол от 17 июня 1925 г., запрещающий применение химического и биологического оружия. В тексте вновь содержалось требование соблюдать Германией вышеперечисленные договоры⁴⁶.

На следующий день немецкое руководство предоставило разрешение представителям Красного Креста К. Бурхарду и Э. де Халлеру посетить лагерь для советских пленных, а затем и составить первый список с их фамилиями. Однако советское правительство отказалось пу-

скать сотрудников международной организации в свои лагеря. Следствием запроса немецкого посла фон Папена, сделанного через Жюно советскому послу в Анкаре о том, действительно ли Сталин угрожал репрессиями в отношении семей военнослужащих, попавших в плен, стало резкое ухудшение климата переговоров. 6 сентября 1941 г. С. Виноградов телеграфировал заведующему средневосточным отделом Наркомата иностранных дел С. И. Кавтарадзе: «Как Вам известно, немцы уже дали первый список наших красноармейцев, захваченных ими в плен. Дальнейшие списки будут даны лишь после того, как Красный Крест получит такие же данные от нас»⁴⁷.

Однако до второй половины сентября переговоры проходили неконструктивно: то советская, то германская стороны или уводили разговор в сферу технических деталей дела, или подолгу согласовывали разные вопросы со своим руководством. В результате не нашли поддержки такие инициативы МККК, как попытка наладить обмен списками военнопленных, взаимная выдача раненых и больных, передача посылок с продовольствием, одеждой, обувью, табаком и другим⁴⁸. Обе стороны принципиально решили не идти на дальнейшие уступки.

В октябре 1941 г. МККК предпринимал попытки получить возможность инспектировать советские лагеря для военнопленных. Для этого использовалось два канала связи: через шведское Общество Красного Креста и советского посла в Стокгольме А. Коллонтай, с одной стороны, и К. Бурхарда и советского посла в Лондоне И. Майского, с другой. Но положительного ответа не последовало.

В ответном письме президенту США Ф. Рузвельту от 14 ноября 1941 г. И. Сталин заявил, что «по вопросу об установлении организационных форм сотрудничества между обществами Красного Креста обеих наших стран у Советского Правительства нет возражений...»⁴⁹. Однако и на этот раз дальше заявления дело так и не пошло.

Некоторые усилия в этом направлении предпринимались также со стороны правительств ряда стран, о чем свидетельствует запись беседы первого заместителя наркома иностранных дел А. Вышинского с посланником иностранных дел Швеции в СССР В. Ассарссоном от 19 ноября 1941 г. В частности, речь шла о создании организации, которая бы занималась всеми вопросами, касающимися режима военного плена на условиях взаимности. Правительства США, Англии

и Швеции предлагали Советскому Союзу присоединиться к Женевской конвенции, поскольку, по их мнению, так было бы легче требовать ее выполнения от германского руководства в отношении советских военнопленных. Однако, по мнению Вышинского, зверский режим нацистских лагерей, установленный в отношении пленных, исключал какую-либо возможность говорить о взаимности. А после того как советское правительство дважды заявило о своей готовности выполнять обязательства Гаагской конвенции, основные положения которой полностью совпадают с основными положениями Женевской конвенции 1929 г., присоединение СССР к последней не вызывается никакой необходимостью. Поэтому разговоры германского правительства о Женевской конвенции являлись лживыми, рассчитанными на то, чтобы ввести всех в заблуждение касательно преступного обращения с пленными. В конце беседы Ассерссон прямо заявил: «Да, я теперь понимаю, что вопрос о Женевской конвенции не имеет никакого отношения к вопросу о положении советских военнопленных»⁵⁰. Переговоры так ни к чему и не привели.

Несколькими днями позже, 25 ноября 1941 г., поверенный в делах США в СССР У. Торстон передал в Народный комиссариат иностранных дел СССР письменное сообщение госдепартамента с предложением о выступлении Советского Союза с декларацией о согласии применять статьи 1–88 Женевской конвенции о военнопленных. В ответ на сделанное предложение Вышинский заявил, что согласие применять указанные статьи означало бы согласие применять статью 9, по поводу чего уже в прошлый раз был дан отрицательный ответ, и что он считает этот вопрос исчерпанным. На том основании, что статья 9 конвенции устанавливает размещение в лагерях для военнопленных по расовому и этническому признаку, что противоречит статье 123-й Конституции (Основного Закона) СССР, советское правительство не может дать своего согласия на присоединение к Женевской конвенции об обращении с военнопленными. Торстон заметил, что можно было бы оговорить неприменение данной статьи, а сама декларация целесообразна в целях улучшения положения советских пленных, поскольку окажет свое действие на немцев. Возразив на эти доводы, Вышинский подчеркнул, что «на немцев не действуют декларации и что ожидать от такой декларации подобного рода эффекта не приходится»⁵¹.

После издания упомянутого выше приказа ОКВ от 8 сентября 1941 г. «Об обращении с советскими военнопленными», граф фон Мольтке предпринял очередную попытку добиться изменения позиции германского командования. Его письма к жене показывают, насколько хорошо он был проинформирован об их судьбе. В середине сентября 1941 г. Мольтке писал ей об ужасном обращении с советскими пленными и евреями, характеризуя сложившуюся ситуацию как страшное бедствие, что было главным признаком моральной деградации нацистской политики и ее носителей⁵². В частности в одном из писем от 12 сентября 1941 г. Мольтке написал про т. н. эксперименты Паннинга направленные на проверку эффективности действия экспансивных пуль («дум-дум») на живых людях. В качестве мишеней для эксперимента были использованы советские пленные, специально доставленные для этой цели из лагерей. По мнению Мольтке, подобные эксперименты были «вершиной зверств и извращенности»⁵³. К тому же еще со времен Первой Гаагской мирной конференции действовал формальный запрет на использование подобных боеприпасов.

Мольтке прилагал немало усилий, чтобы доказать хотя бы сам факт наличия военнопленных вермахта в советском плену, поскольку Гитлер категорически это отрицал, утверждая, будто бы все военнопленные расстреливаются Советами. Если судить по записям Гальдера, только до середины августа 1941 г. на Восточном фронте пропало без вести около 20 тыс. унтер-офицеров и рядовых германской армии⁵⁴, часть из которых действительно оказалась в плену.

15 сентября Мольтке передал начальнику абвера В. Канарису докладную записку, составленную при участии Г. Йенике, для фельдмаршала В. Кейтеля. В ней были изложены причины несогласия с приказом ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными». После ознакомления с содержанием записки Канарис также подписал ее⁵⁵. В документе указывалось, что «военный плен не является ни мстью, ни наказанием, а лишь заключением в целях безопасности, единственно для предотвращения дальнейшего участия военнопленных в боях», а само «постановление составлено в самых общих чертах», при этом «если иметь в виду господствующие принципы, то эти так рьяно одобряемые меры неминуемо приведут к произволу, истязаниям и убийствам, даже в случае формального запрета такого произвола»⁵⁶, вследствие чего «отпадает

возможность протестовать против плохого обращения с солдатами вермахта в советском плену»⁵⁷. Спустя неделю документ был возвращен его авторам, а в его заглавии Кейтель оставил пометку: «Размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь речь идет об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и защищаю их»⁵⁸. После этого любая договоренность с СССР представлялась совершенно невозможной.

Комитет Красного Креста примерно в начале декабря 1941 г. предложил генералу Рейнеке организовать обеспечение продовольствием и одеждой из США немецких пленных в Советском Союзе и советских пленных в Германии, а также приобрести вакцину против сыпного тифа для советских пленных в Германии. Это предложение было поддержано Рейнеке, а также министром пропаганды Геббельсом, ибо они надеялись, что таким образом удастся без переговоров и без политических уступок облегчить судьбу немецких пленных в СССР, что было весьма желательно «с точки зрения воздействия на настроения населения». Кроме того, Рейнеке учел «материальную сторону» снабжения советских пленных из-за границы. Однако Гитлер в начале января категорически отклонил это предложение⁵⁹. Утвердительное решение инициатив МККК со стороны верхушки III рейха наталкивалось на многочисленные препятствия. Это было связано как с боязнью того, что советское командование через составленные списки узнает о массовой гибели своих пленных, так и с тем, что это создаст прецедент для массовой сдачи немецких солдат в плен.

По сути, МККК добиться ничего не удалось. Оба участника переговоров никакого настоящего стремления перевести взаимное обращение с военнопленными на принципы человечности не проявили. Поэтому правовое положение пленных определялось не международными соглашениями, а внутренними документами воюющих сторон⁶⁰.

И тем не менее Наркомат иностранных дел СССР своими официальными нотами продолжал информировать мировую общественность о вопиющих нарушениях немецкой стороной международно-правовых норм, и в первую очередь Гаагской конвенции, приводя множество примеров совершения преступлений в отношении советских военнопленных. В то же время подчеркивалось соблюдение советской стороной всех пунктов и принципов Гаагской конвенции

в отношении военнопленных Германии. Данный вопрос наиболее четко был сформулирован в нотах НКВД СССР от 25 ноября 1941 г. «О возмутительных зверствах германских властей в отношении советских военнопленных»⁶¹ и от 6 января 1942 г. «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях»⁶². А 27 апреля 1942 г. Молотов в новой ноте вновь поставил вопрос об истреблении нацистами советских военнопленных (раздел VI), а также подчеркивал, что Советский Союз de facto присоединился к Гаагской конвенции. Осуждая жестокую политику Германии в отношении советских военнопленных, правительство СССР заверило мировую общественность в том, что оно «не намерено даже в данных обстоятельствах применять ответные репрессивные мероприятия в отношении германских военнопленных»⁶³.

Сущность отношения советского руководства к собственным солдатам и командному составу, попавшим в плен, была изложена еще в довоенном законодательстве.

Советские законы и практика правосудия имели обвинительный характер в отношении добровольно сдавшихся в плен военнослужащих. Так, статья 193 Уголовного кодекса 1926 г. предусматривала высшую меру наказания с конфискацией имущества за сдачу в плен, если это не было вызвано боевой обстановкой. Преследованию не подлежали военнослужащие, попавшие в плен при обстоятельствах, от них не зависящих. В отношении семей военнослужащих, попавших в плен, законодательство также не предусматривало никаких ограничений в отношении материального обеспечения и т. п.⁶⁴

27 июля 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли новое «Положение о воинских преступлениях», статья 22 которого практически полностью повторяла статью 193 УК РСФСР 1926 года⁶⁵. При этом в комментариях к статье 22 «Сдача в плен» указывалось: «Каждый военнослужащий обязан выполнить свой воинский долг согласно данному им торжественному обещанию (красная присяга), не щадя своих сил ни самой жизни». Однако в некоторых случаях обстановка на поле боя может сложиться так, что сопротивление станет невозможным, а гибель собственных бойцов бесцельной. В подобных случаях сдача в плен рассматривалась как допустимый акт, который не вызовет судебных преследований. Статья 22 рассматривала как преступление лишь

такую сдачу в плен, которая не была вызвана боевой обстановкой, т. е. сдачу в плен с целью избежать риска, связанного с нахождением в рядах бойцов (быть убитым, раненым и т. п.)⁶⁶.

Уже в 1930-е гг. в атмосфере всеобщей подозрительности постепенно стало оформляться негативное отношение к военному плену, как и многие соответствующие ему стереотипы. Официально провозглашалось, что бойцы и командиры Красной армии в плен не сдаются. Считалось, что красноармейцы должны драться до последнего и тем самым до конца выполнить свой долг перед страной. Фактически ничто, в том числе и угроза смерти, не могло заставить военнослужащего сдаться в плен⁶⁷.

По мнению ответственного секретаря Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий В. Наумова, отношение советского руководства к военнослужащим Красной армии, оказавшимся в плену, определилось еще в 1940 г., по окончании советско-финской войны, когда значительная часть из 5,5 тыс. пленных после годовой проверки была осуждена⁶⁸. Вопрос же о том, можно ли считать, что к началу войны у советского руководства сложилось представление о военнопленных как об «изменниках Родины», остается открытым. Так, некоторые исследователями утверждают, что об этом отчетливо говорят принятые государственными учреждениями документы. Подобным образом характеризуются 22-я статья «Положения о воинских преступлениях» 1927 г.; статьи Уголовного кодекса 1938 г., касающиеся воинских преступлений, включая плен, и носившие ярко выраженный обвинительный и репрессивный характер; совместный приказ НКГБ, НКВД и Прокурора СССР от 28 июня 1941 г., предусматривавший привлечение к ответственности членов семей заочно осужденных «изменников Родины» либо через военные трибуналы, либо через особые совещания при НКВД СССР. При этом Сталину часто приписывается мнение о том, что «в Красной армии нет военнопленных. Есть только предатели и изменники Родины»⁶⁹. Однако никакие документальные подтверждения этому не приводятся. Следует также отметить, что в нормативных документах по вопросам, связанным с «изменой Родине», нигде не говорится об их непосредственной привязке к положениям о военнопленных. Это касается также принятого 8 июня 1934 г. ЦИК СССР репрессивного закона «Об измене Родине», который предусматривал привлечение

к ответственности членов семей изменников, т. е. лиц, вообще не причастных к совершению преступления⁷⁰. Поэтому в данном случае все зависит от авторской трактовки. Утверждение же о том, что сам факт попадания в плен в соответствии со статьей 22 «Положения о воинских преступлениях» 1927 г. приравнивался «к измене Родине», совершенно неверно и опровергается текстом самого документа.

Следует, однако, отметить, что некоторые из репатриированных в СССР бывших военнопленных вспоминали, что, хотя и не было принято нормативного документа, характеризовавшего плененных как «изменников» на официальном уровне, тем не менее в послевоенный период, согласно общей негласной установке, сам факт пребывания в плену считался позором, в особенности это касалось советского командного состава⁷¹. А по мнению М. Семиряги, в послевоенный период сталинское руководство относилось лучше к военнопленным вражеской армии, нежели к собственным гражданам, вернувшимся из плена. Был нарушен сам принцип восстановления в правах военнослужащих после плена⁷².

В трагедии советских военнопленных ощутимой была также роль приказа Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от 16 августа 1941 г., подписанного всеми членами Ставки ВГК. Приказ обязывал расстреливать на месте командиров и политработников, которые во время боя срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл или сдаются в плен врагу. При этом их семьи подлежали аресту как семьи дезертиров. Частям и подразделениям, которые попали в окружение, предписывалось самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося им людские и материальные потери. А если «начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи»⁷³. Приказ был зачитан во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

В период Второй мировой войны и после ее окончания приказ № 270 был тем документом, на основании которого определялся правовой статус советских военнопленных в СССР.

О том, что пребывание в плену или же за линией фронта уже само по себе ставило бойцов и командиров РККА под подозрение в лояльности, отчетливо говорит опыт практического применения приказа. Зачастую он понимался слишком широко и применялся не только в отношении добровольно сдавшихся или умышленно перешедших на сторону противника, но и тех, кто оказался в плену по независящим от них причинам, причем часто без должного выяснения обстоятельств пленения. Речь идет о том, что среди плененных значительную часть составляли раненые и контуженые, израсходовавшие все боеприпасы или лишенные продовольствия, находящиеся в тяжелых условиях окружений целых армий, когда все возможности дальнейшего сопротивления были исчерпаны. Все это приводило к широкому использованию неприглядных сторон применения приказа № 270, так же как и некоторых его формулировок, нацистской пропагандой в лагерях для советских военнопленных, направленной на подавление их воли к дальнейшему сопротивлению. Широко использовался тезис о преданных плененных, брошенных на произвол судьбы своим же правительством. Судя по пропагандистской литературе периода войны, активно распространявшейся Главным политическим управлением РККА, советским военнослужащим действительно активно внушался тезис о недопустимости сдачи в плен к противнику, поскольку это означало не только дезертирство с поля боя и совершение предательства, но и неминуемую гибель. При этом не проводилось принципиальной разницы между понятиями «сдаться» и «попасть в плен»⁷⁴.

В изменившихся условиях конца декабря 1941 г., когда Красная армия перешла в стратегическое контрнаступление под Москвой и на других направлениях, ГКО принял постановление № 1069сс, в соответствии с которым все военнослужащие, бывшие в окружении или в плену, проходя через армейские сборно-пересыльные пункты, поступали в спецлагеря НКВД на проверку⁷⁵. Причем проверку в этих спецлагерях проходили не только бывшие военнопленные. Поступавший туда контингент делился на три учетные группы: 1) военнопленные и окруженцы; 2) рядовые полицейские, деревенские старосты и другие гражданские лица, подозреваемые в изменнической деятельности; 3) гражданские лица призывного возраста, проживавшие на территории, занятой противником⁷⁶. Только по

официальным данным, за годы войны и по ее окончании более 233 тыс. человек⁷⁷ (по другим данным, более 226 тыс. человек⁷⁸), скомпрометировавших себя в плену, были осуждены на пребывание в лагерях НКВД.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить следующее. Отказ Германии от соблюдения международных конвенций, регулировавших обращение с военнопленными, как и отказ от помощи Красного Креста советским пленным, был предreshен до начала войны. В среде военнопленных гитлеровское командование установило четкую иерархию в плане соблюдения гарантий и прав, сообразуясь с нацистской доктриной. Советские пленные занимали самую нижнюю ступень этой иерархии, поскольку рассматривались в первую очередь как социальные и идеологические, а не национальные враги. В них видели большевиков, смертельных врагов нацизма, к тому же расово неполноценных. А сама война с СССР представлялась как столкновение двух мировоззрений и рас⁷⁹.

До нападения на Советский Союз на самой низшей ступени иерархии находились пленные Югославии и Польши, в особенности польские евреи. Последние, за исключением офицеров, были формально освобождены из плена и в последующем помещены в гетто в нарушение Женевской конвенции⁸⁰, при том что Польша, к примеру, являлась государством, подписавшим и ратифицировавшим эту конвенцию 29 июня 1932 года⁸¹. Однако после оккупации этих стран немецкое руководство пришло к выводу: раз государства как такового больше не существует, соответственно, никаких правовых гарантий в отношении военнопленных такой страны применять не стоит. Во многом подобного рода соображения касались также и советских пленных, ведь гитлеровское командование исходило из расчетов молниеносного завершения Восточной кампании (еще до окончания войны против Англии), результатом чего станет полный разгром Советского государства, на территории которого будет построен «новый порядок»⁸². Эти соображения диктовались тем, что в подобной ситуации можно будет, с одной стороны, избежать ответных репрессий в особенности при отсутствии контроля со стороны третьих лиц, и, с другой стороны, действовать в духе нацистской оккупационной политики, в особенности если речь идет о народах, которые считались «неполноценными» в расовом и культурном отношениях.

Отношение сталинского руководства к собственным пленным в значительной степени определялось той внутривнутриполитической ситуацией, которая начала складываться в СССР в 1930-е гг. и на которую оказали влияние массовые политические репрессии, базировавшиеся не в последнюю очередь на практике уголовного осуждения граждан во внесудебном порядке. Учитывая оперативно-стратегическую ситуацию лета–осени 1941 г. и то катастрофическое положение, в котором оказались советские войска, можно предположить, что вопросы, связанные с военнопленными, отошли для Сталина и его окружения на второй план. Переговоры с правительствами Англии и США касались, в первую очередь, наиболее важных, по мнению советских руководителей, вопросов: союзнических поставок, совместных действий в войне с Германией, подготовки к межсоюзнической конференции, решения послевоенных вопросов⁸³. Возможно, также не последнюю роль сыграло стремление Сталина скрыть реальные масштабы поражения и количество пленных перед советским обществом и международной общественностью. Встав перед необходимостью продемонстрировать своим будущим союзникам способность Красной армии оказывать упорное сопротивление наступлению вермахта, Сталин и его окружение не были заинтересованы в обсуждении вопроса про миллионы советских пленных, поскольку боеспособность войск могла быть, таким образом, поставлена под сомнение. Возможно, незаинтересованность сталинского руководства в подписании Женевской конвенции была связана также с намерением предотвратить сдачу в плен советских солдат, и жестокое отношение к ним со стороны противника должно было этому способствовать. Дальнейшее же выполнение «преступных приказов», да и общие условия содержания пленных красноармейцев в нацистских лагерях, о чем очень быстро стало известно, убеждали советское правительство в бесперспективности дальнейших переговоров.

Позиция союзников определялась главным образом соображениями максимального затягивания открытия второго фронта в Европе. Поэтому чрезмерное акцентирование внимания на фактах, говорящих о проведении политики массового истребления народов оккупированных стран, и в первую очередь СССР, могло бы представить их позицию в весьма неприглядном

свете. Настойчивое упорство правительств Англии и США обязать Советский Союз выполнять условия Женевской конвенции, а по возможности и подписать ее, исходили из соображений безопасности собственных солдат и офицеров. Предположение о том, что если Женевская конвенция не будет применяться по отношению к военнопленным всех стран, то это неминуемо приведет к ухудшению положения всех без исключения пленных, не было лишено основания. Хотя в то же время, как показал опыт содержания пленных англичан, американцев, а также австралийцев и новозеландцев в японских лагерях, жестокого обращения с ними в ходе конвоирования и т. д.⁸⁴, простое подписание той иной конвенции само по себе мало что значило⁸⁵. Главным было изначальное намерение той или стороны руководствоваться в своих действиях нормами

гуманного обращения с пленными противоположной стороны.

Говоря о роли Красного Креста, нельзя не отметить, что, с одной стороны, именно эта организация стала инициатором переговорного процесса между СССР и Германией по вопросу о военнопленных обеих сторон, а также главным посредником между двумя государствами. В то же время в его деятельности практически полностью отсутствовала решительная официальная критика нацистской политики, попиравшей требования всех без исключения международных договоров, так или иначе касавшихся обращения с пленными. Следствием подобной политики стала гибель миллионов советских военнослужащих на территории оккупированных стран Центральной и Юго-Восточной Европы, а также СССР.

¹ См., напр.: Манаенков А. Л. Грубое нарушение законов и обычаев войны в обращении с военнопленными // *Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944 гг.)*. М., 1965. С. 330–339; Халепо Т. І. Масове знищення німецько-фашистськими загарбниками мирного населення і військовополонених України // *Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВО України)*. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 236. Л. 153–203.

² Урланис Б. Ц. История военных потерь. Войны и народонаселение Европы. М., 1998. С. 312–314.

³ Законы и обычаи войны. Важнейшие международные конвенции. М., 1942. С. 7–10; *Laws and Customs of War on Land (Hague IV)*; 18 October, 1907 // URL: http://avalon.law.yale.edu/20th_century/hague04.asp

⁴ *Convention (IV) respecting the Laws and Customs of War on Land and its annex: Regulations concerning the Laws and Customs of War on Land. The Hague 18 October 1907* // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=195&ps=P>

⁵ *Документы внешней политики СССР*. Т. 1. М., 1959. С. 333–334.

⁶ *Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов*. В 7 т. Т. 3. М., 1958. С. 19–20; *Нюрнбергский процесс: сб. материалов*. В 8 т. Т. 4. М., 1990. С. 99.

⁷ Король В. Ю. Трагедія військовополонених на окупованій території України в 1941–1944 роках. К., 2004. С. 43; Толстой Н. Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 31; Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР и советские военнопленные в Германии. Постановка проблемы. Источники и литература // *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры*. Русское издание. 2006. № 1. С. 8; Шнеер А. Плен. Т. 1. Кн. 2: Советские военнопленные в немецком плену. Иерусалим, 2003. С. 6, 166; Штрайт К. «Они нам не товарищи...»: вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. М., 2009. С. 236.

⁸ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 236.

⁹ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 17.

¹⁰ Женевская конвенция об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях. М., 1932; *Законы и обычаи войны...* С. 21–32.

¹¹ *Convention relative to the Treatment of Prisoners of War*. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/FULL/305?OpenDocument>

¹² См., напр.: Конасов В. Б. Судьба немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: очерки и документы. Вологда, 1996. С. 20–22; *Народ и война: 50 лет Великой победы*. СПб., 1995. С. 284; Текст конвенции 1949 г. См. напр.: Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners.shtml

¹³ *Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы*. М., 2000. С. 64.

¹⁴ Шнеер А. Плен. Т. 1. Кн. 2... С. 166.

¹⁵ Романько О. В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос (1941–1944). Симферополь, 2009. С. 17–19.

- ¹⁶ Семиряга М.И. Фашистский оккупационный режим на временно захваченной советской территории // Вопросы истории. 1985. №3. С. 14.
- ¹⁷ Военнопленные в СССР... С. 59–63.
- ¹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968. С. 493; «Существовавшие до сих пор правила отменяются» // Военно-исторический журнал. 1991. №10. С. 10.
- ¹⁹ См.: Веремеев Ю. СССР и Женевская конвенция о военнопленных // URL: <http://army.armor.kiev.ua/hist/zenev-konvencia.shtml>; Мартиросян А.Б. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2007. С. 451;
- ²⁰ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=305&ps=P>
- ²¹ См., напр.: Беддекер Г., Карель П. Немецкие военнопленные Второй мировой войны. 1939–1945. М., 2004; Гофман И. Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии. 1944–1945. М., 2006; Гофман И. Сталинская истребительная война (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006; Рендулич Л. Фатальные ошибки вермахта. М., 2006; Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941–1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München–Zürich, 1993; Klink E. Die militärische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion // DRZW 4. 1983. S. 190–277; Pfeffer K. Deutsche und andere Menschen in zweiten Weltkrieges // Bilanz des zweiten Weltkrieges: Erkenntnisse und Verpflichtungen für die Zukunft. Hamburg, 1953. S. 492–517; Uhlig H. Der Verbrecherische Befehl // Vollmacht des Gewissens. Bd. 2. Frankfurt a/M., 1965. S. 321.
- ²² Bonwetsch B. Die sowjetischen Kriegsgefangenen zwischen Stalin und Hitler // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1993. №2. S. 136–138.
- ²³ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 193–194, 427.
- ²⁴ Jacobsen H.-A. Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangenen // Anatomie des SS-Staates. Bd. II. Olten und Freiburg, 1965. S. 181.
- ²⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 7021. Оп. 148. Д. 160. Л. 2.
- ²⁶ Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта... С. 21; Пленков О.Ю. III Рейх. Война. Кн. 1: вермахт, война и немецкое общество. СПб., 2005. С. 271.
- ²⁷ См., напр.: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта... С. 107–337; Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль, 2005. С. 67–94; Лешин М. Преступления вермахта против военнослужащих Красной армии и советских партизан // Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944. М., 2005. С. 25–39; Полян П. Советские военнопленные-евреи — первые жертвы Холокоста в СССР // Обреченные погибнуть. Судьба советских военнопленных-евреев во Второй мировой войне: воспоминания и документы. М., 2006. С. 9–70; Хартман К. Планирование Гитлером войны на уничтожение против Советского Союза // URL: http://www.mgimo.ru/victory65/documents/4-hartman_plan-anti-US.pdf. С. 86–90; Шнеер А. Плен. Т. 2. Иерусалим, 2003. С. 89–99; Förster J. Das Unternehmen „Barbarossa“ als Eroberungs- und Vernichtungskrieg // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4: Der Angriff auf die Sowjetunion, Stuttgart, 1983. S. 413–447; Krausnick H. Kommissarbefehl und „Gerichtserlaß Barbarossa“ in neuer Sicht // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1977. №25. S. 682–738.
- ²⁸ Ерин М.Е. Советские военнопленные... С. 92–93; Хартман К. Планирование Гитлером войны на уничтожение... С. 90; Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 76–78.
- ²⁹ Osterloh J. “Hier handelt es sich um die Vernichtung einer Weltanschauung...” Die Wehrmacht und die Behandlung des sowjetischen Gefangenen in Deutschland // Die Wehrmacht: Mythos und Realität. München, 1999. S. 784–785, 802.
- ³⁰ Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hrsg. / H. Heer und K. Naumann. Hamburg, 1995. S. 29–30.
- ³¹ Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР... С. 8.
- ³² Лужеренко В.К. Плен: трагедия миллионов // Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 4.: Народ и война. М., 1999. С. 169; Смыслов О.С. Плен. Жизнь и смерть в немецких лагерях. М., 2009. С. 21.
- ³³ Военнопленные в СССР... С. 65–68.
- ³⁴ Галицкий В.П. Финские военнопленные в лагерях НКВД (1939–1953 гг.). М., 1997. С. 15.
- ³⁵ Дембицкий Н.П. Судьба пленных // Война и общество, 1941–1945. Кн. 2. М., 2004. С. 238–239; Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ³⁶ Военнопленные в СССР... С. 28; Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР... С. 8.
- ³⁷ Van Roon G. Graf Moltke als Völkerrechtler im OKW // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. J. 18. S. 12–61.
- ³⁸ De Zayas A. The Wehrmacht Bureau on War Crimes // Historical Journal. Vol. 35. No. 2. PP. 386–387; Van Roon G. Helmuth James Graf von Moltke als Völkerrechtler 1907–1945 // Die Durchsetzung völkerrechtlicher Verpflichtungen. 1987. S. 745.

- ³⁹ См.: Документы обвиняют. Вып. 1. М. 1943. С. 244–247; Тудоряну Н.Л. Американский Красный Крест в СССР в годы Великой Отечественной войны по архивным материалам // Новая и новейшая история. 2000. №2. С. 36–48.
- ⁴⁰ Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ⁴¹ Документы внешней политики. Т. 24. М., 2000. С. 163.
- ⁴² Полян П. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996. С. 45.
- ⁴³ Лужеренко В.К. Плен... С. 170; Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 240.
- ⁴⁴ Смыслов О.С. Плен... С. 22.
- ⁴⁵ Штрайт К. «Они нам не товарищи...» С. 242.
- ⁴⁶ См., напр.: Нота правительства СССР посольству США в СССР // Документы внешней политики. Т. 24... С. 224.
- ⁴⁷ Смыслов О.С. Плен... С. 22.
- ⁴⁸ Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ⁴⁹ Документы внешней политики. Т. 24... С. 420.
- ⁵⁰ Документы внешней политики. Т. 24... С. 436–437.
- ⁵¹ Документы внешней политики. Т. 24... С. 488–489; Король В.Ю. Трагедія військовополонених... С. 43.
- ⁵² Van Roon G. Helmuth James Graf von Moltke... S. 745–746.
- ⁵³ Moltke, Helmuth James von. Letters to Freya 1939–1945. Ed. and Trans. Beate Ruhm von Oppen. New York, 1990. P. 160
- ⁵⁴ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. Т. 3. М., 1971. С. 315–316.
- ⁵⁵ Van Roon G. Helmuth James Graf von Moltke... S. 750.
- ⁵⁶ Война Германии против Советского союза 1941–1945 / под. ред. Р. Рюрупа. Берлин, 1992. С. 111–114.
- ⁵⁷ Война Германии против Советского союза... С. 114.
- ⁵⁸ Война Германии против Советского союза... С. 114.
- ⁵⁹ Штрайт К. «Они нам не товарищи...». С. 189.
- ⁶⁰ Лужеренко В.К. Плен... С. 170.
- ⁶¹ ЦДАВО України. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 233. Арк. 9–26.
- ⁶² ЦДАВО України. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 233. Арк. 27–50.
- ⁶³ ЦДАВО України. Ф. 4620. Оп. 3. Спр. 233. Арк. 51–57.
- ⁶⁴ Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. М., 1957. С. 86.
- ⁶⁵ См. напр.: Положение о воинских преступлениях 1927 г. Советское военное уголовное право. М., 1941. С. 38–51.
- ⁶⁶ Змиев Б. Положение о воинских преступлениях в редакции 1927 г.: текст и комментарий. М., 1928. С. 52.
- ⁶⁷ Галицкий В.П. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства // Государство и право. 1990. №4. С. 126.
- ⁶⁸ Наумов В.П. Судьба военнопленных и депортированных граждан СССР: материалы Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий // Новая и новейшая история. 1996. №2. С. 92.
- ⁶⁹ Ерин М.Е. Советские военнопленные... С. 7–9; Король В.Ю. Трагедія військовополонених... С. 42–46; Наумов В.П. Судьба военнопленных... С. 92–94; Хавкин Б. Немецкие военнопленные в СССР... С. 9.
- ⁷⁰ Ивашов Л.Г., Емелин А.С. Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // Военно-исторический журнал. 1992. №1. С. 47.
- ⁷¹ См., напр. Новобранец В.А. «Я предупреждал о войне Сталина»: записки военного разведчика. М., 2009. С. 392–477.
- ⁷² Семиряга М.И. Военнопленные — изменники Родины или жертвы войны? Размышление о судьбе советских военнопленных в годы Второй мировой войны // Проблемы военного плена: история и современность: материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 1. Вологда, 1997. С. 8; Его же. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. — М., 2000. С. 352.
- ⁷³ Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 г. // Военно-исторический журнал. 1988. №9. С. 26–28.
- ⁷⁴ См.: Зверства немцев над пленными красноармейцами (рассказы бежавших из плена, документы и факты). М., 1942; Федоров Е. Воин Красной армии в плен не сдается. Л., 1942.

- ⁷⁵ ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 53. Л. 29.
- ⁷⁶ Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 4.
- ⁷⁷ Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 463–464.
- ⁷⁸ Земсков В. Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 6. С. 6.
- ⁷⁹ См.: Forwick H. Zur Behandlung alliierter Kriegsgefangener im Zweiten Weltkrieg. Anweisung des Oberkommandos der Wehrmacht über Besuche ausländischer Kommissionen in Kriegsgefangenenlagern // Militärgeschichtliche Mitteilungen 2. 1967. S. 119–134.
- ⁸⁰ См.: Датнер Ш. Преступления немецко-фашистского вермахта... С. 19–20, 230–241; Шнеер А. Плен. Т. 1. Кн. 1: Военнопленные Западных стран антигитлеровской коалиции в немецком плену. Иерусалим. С. 68–74;
- ⁸¹ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=305&ps=P>
- ⁸² См.: Дашичев В. И. «Совершенно секретно. Только для командования!»: стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М. 1967. С. 124–190; Его же. Банкротство стратегии германского фашизма: исторические очерки: документы и материалы. Т. 2. М. 1973. С. 58–134.
- ⁸³ См.: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль: Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 10–95.
- ⁸⁴ См.: Николаев А. Н. Токио: суд народов: по воспоминаниям участника процесса. М., 1990. С. 253–258; 322–323.
- ⁸⁵ Имеется в виду, что Япония, будучи страной — участницей международной конференции в Женеве в июле 1929 г., подписала, но не ратифицировала конвенцию «Об обращении с военнопленными». См.: Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929 // URL: <http://www.icrc.org/ihl.nsf/WebSign?ReadForm&id=305&ps=S>